

ПИСЬМО А. Н. МАЙКОВА К СЫНОВЬЯМ С ВОСПОМИНАНИЯМИ О И. А. ГОНЧАРОВЕ

Публикация А. Ю. Балакина

Публикуемое ниже письмо хранится в архиве А. Н. Майкова среди его писем к неустановленным лицам (РО ИРЛИ, № 17380, л. 79—80 об.). Хотя оно уже обращало на себя внимание исследователей, работавших с этими материалами,¹ но опубликовано не было, и в литературе о Гончарове этот документ, насколько нам известно, не упоминался. Между тем, в нем содержится несколько любопытных сведений об истории взаимоотношений Аполлона Николаевича Майкова (1821—1897) и Ивана Александровича Гончарова (1812—1891).

Обоих писателей связывала многолетняя дружба, которая, по словам самого Гончарова, «никогда ничем не омрачалась, не охлаждалась, и была всегда тепла, чиста и светла...»² Познакомились они в 1835 г., когда недавно приехавший в Петербург Гончаров через своего сослуживца по Департаменту внешней торговли Министерства внутренних дел, литератора Владимира Андреевича Солоницына был приглашен готовить к поступлению в университет двух старших сыновей художника Н. А. Майкова — Валериана и Аполлона. Молодой филолог, недавний выпускник Московского университета, Гончаров, очевидно, произвел большое впечатление на талантливых юношей и оказал на них заметное влияние. «И. А. Гончаров, без сомнения, много способствовал развитию эстетического вкуса в Аполлоне Майкове», — писал в своих мемуарах И. И. Панаев;³ сам же поэт говорил впоследствии, что Гончаров «внушил ему большую любовь к литературе».⁴ К 1835 г. относятся и первые поэтические опыты Майкова;⁵ в том же году в доме Майковых начал выпускаться рукописный журнал «Подснежник», на страницах которого помещали свои произведения не только сами Майковы, но и профессиональные литераторы, близкие к их кругу. Именно в «Подснежнике» появились и первые известные нам оригинальные литературные опыты Гончарова.⁶

Об этом времени и вспоминает Майков в публикуемом ниже письме. Оно не имеет ни даты, ни обращения, ни подписи и, по-видимому, так и не было окончено и отправлено. Тем не менее время написания и адресат его устанавливаются без труда. Оно было написано вечером либо 17, либо 18 сентября 1891 г., и адресовано сыновьям Владимиру (1861—?) и Аполлону (1867—?),⁷ находившимся тогда в Константинополе.⁸

В архиве Майкова сохранилось большое количество его писем, адресованных сыновьям; в основном они относятся к последним годам жизни поэта. Фрагменты из них, посвященные Пушкину и Достоевскому, а также содержащие автобиографические признания и автокомментарии, публиковались и цитировались в разные годы И. Г. Ямпольским⁹ и Л. С. Гейро.¹⁰ Изредка в этих письмах упоминается и фамилия Гончарова, который к тому времени был уже стар и болен, редко покидал свою квартиру, и поэтому регулярного общения с Майковым поддерживать уже не мог. Но тем не менее даже эти эпизодические упоминания могут добавить к биографии Гончарова несколько дополнительных штрихов. Так, в письме от 15 февраля 1888 г. Майков пишет: «Вчера <...> был Гончаров, получивший 2 письма от Катер<ины> Павл<овны>».¹¹ Она в Новороссийске в бедственном положении. Пишет ему, очевидно имея в виду, что письмо <sic!> покажется нам; сильные слова раскаяния, просьбы прощения, ссылки на Евангелие. Цель — чтоб опять ее приняли. Да ведь ее никто не прогонял. Сама ушла. Тот, у кого могла бы просить прощение — в могиле. Еще, пожалуй, у детей — но тут и загвоздка: как взяться нам за это посредничество? И к кому ей поместиться? И что из этого выйдет? Я, признаюсь, не могу in foro interno¹² решить, как тут поступить... Мы ничем перед ней не виноваты. Если б встретились, встретились бы как знакомые, и больше ничего, как приличие бы и благососпитанность требовали бы. Но активно — что сделать? — так чтобы сам был, в себе, доволен? Послать денег, чтоб приехала. Ну приедет. К кому? С кем жить ей? Признаюсь, чувствую беспокойствие. Доводы ума и — христианский долг. Не послать ли ей, через Гончарова или Емилию Фед<оровну>, рублей 50, сколько можем, и сказать, что не нам ее судить и прощать».¹³ Мы не знаем, как Майков ответил на просьбы своей бывшей невестки; согласно позднему свидетельству Ф. Д. Батюшкова, она «вернулась в Петербург много позже, виделась с сыновьями и даже одно время поселилась с младшим из них, Владимиром (уже после смерти Валерьяна)».¹⁴ В том же 1888 г. она продает доставшееся ей по наследству от отца небольшое имение и переселяется в Сочи,¹⁵ где живет до самой смерти. Упомянутый выше эпизод не нашел отражения в переписке Гончарова; ни письма Майковой, ни его возможный ответ до нас не дошли.

В письме от 30 октября 1888 г. мы находим любопытное свидетельство о взаимоотношении Гончарова и великого князя Константина Константиновича; это письмо интересно еще и тем, что в нем Майков формулирует свое поэтическое сгедо и вспоминает об отношении современников к его поэзии: «...царю стихи на 17-е октября¹⁶ послал по городской почте. Поутру сходил в Изм<айловские> казармы, спросить Конст<антина> Конст<антинови>ча.¹⁷ Был очень рад, меня увидев, и одобрил послать. Сказал мне, что собирается мне прислать приготовляемое им к печати издание своих стихов, 2-й том;¹⁸ что посылал уж его к Гончарову — но, говорит, усумнился в суждении прозаиков о поэзии; он, Гончаров, обо многих чисто лирических стихотворениях написал ему, что они бессодержательны».¹⁹ „Они, говорит, всегда требуют от стихотворения ясной, определенной мысли, которую бы можно было сформулировать, тогда как тут всё в чувстве и в освещении. Некоторые пьесы посылал Фету, но со многими его отзывами несогласен“. Мне хотел прислать на след<ующей> неделе вместе с этими отзывами. Что он о прозаиках говорил, это я давно знаю, и никогда не любил читать им, да и не читал, и Гончарову в том числе. Да насчет моих стихов вообще скажу, что они не вполне отвечали требованиям и теориям моих современников, писателей в прозе. У одного Тургенева был более тонко развитой вкус, но и ему я редко приходился по вкусу.²⁰ Тургенев, Боткин — эта партия искала в поэзии чего-то туманного, неопределенного, вроде музыки, а их голос был решительный в кружке. И в стихах Фета и Полонского они находили, как в переливающихся цветах бриллианта, болес искор истинной поэзии.

Впрочем, у них было кое-что и правда, чем я в свое время и воспользовался. Поэты более меня ценили, и простые читатели, без тонкого образования.²¹ Тург<енев> и Боткин, кроме того, искали в поэте последнего слова современной человеческой личности, личности отвлеченного обще-человека, страдающего недугами века и подавленного бременем сомнений и несоответствия существующих условий общественной жизни с тем идеалом, к которому стремится якобы это обще-человечество. На эту мерку у них вымерен и Лермонтов, и вот почему, по-нашему его плохие, по-нашему, стихотворения („И скучно и грустно...“, „Печально я гляжу на наше поколение...“ и пр.) у него сочтены за наилучшие, и эти струны в „Герое наш<его> врем<ени>“ приняты в сурьоз, а моего известного вам взгляда на „Героя“ тогда ни у кого не было, т. е. что Лермонтов, имея в себе все черты (подлые) Печорина, карал их в своего героя, противопоставя ему простые натуры (Максим Максимыч и др.) и даже сделал пародию на Печорина в Грушницком».²²

Последнее известное нам свидетельство общения давних друзей — приветственное письмо Гончарова по поводу 50-летнего юбилея литературной деятельности Майкова. Это письмо было прочитано на чествовании поэта 30 апреля 1888 г. Я. П. Полонским; сам же Гончаров не присутствовал по причине плохого самочувствия. Как вспоминал один из современников, «поднялась буря рукоплексаний, долго не смолкавших, едва только тзец произнес: „Письмо Ивана Александровича Гончарова“. Рукоплексания усилились, когда было окончено чтение письма...»²³

Вполне возможно, что в последующие годы Гончаров и Майков так и не увиделись. Гончаров умер в воскресенье, 15 сентября 1891 г., в двенадцатом часу дня. В тот же вечер на его квартире была совершена первая панихида, на которой «присутствовали душеприказчики профессор Полотебнов, М. М. Стасюлевич, обер-прокурор А. Ф. Кони, В. Д. Спасович и много других».²⁴ Майкова же среди близких покойного писателя не было — о смерти Гончарова он узнал лишь на следующий день из газет: «Сегодня в газетах прочли о кончине Гончарова, — писал он сыновьям 16 сентября, — 80 лет прожил — хороший куш. Но, Боже, как печальна была его жизнь за эти годы! Одиночество, хилость. Сколько романов в жизни он пережил — любил — но не жертвовал собой — не посвятил себя тому, кого любил, и тому, что оттого <?> должно было произойти... Какой был идеал его жизни? к чему стремился, что истинно-то любил, т. е. какую идею?.. Не знаю — и боюсь судить, чужая душа — потемки. Теперь уж это совсем старейший из моих сверстников,ходящий из мира... Невольно напрашивается вопрос — кто теперь на очереди? Если моя очередь, то я уйду не так мрачно: что любил, чему служил — положено в вас тронх²⁵ — а может быть сообщено и кой-кому из встречных в жизни... Помочь, хлопотать за кого — Гончаров всегда готов был — но это не наполняло жизни — и в последние годы всегда жаль было его!»²⁶ В следующем письме сыновьям, от 19 сентября, Майков лишь вскользь упомянул о похоронах Гончарова, хотя о его присутствии на них написали едва ли не все газеты: «Сегодня хоронили Гончарова; был <еликий> к<нязь> Конст<антин> Конст<антинович>. Я просил его сказать от меня несколько слов греч<еской> королеве, потерявшей дочь».²⁷

Мы не знаем, почему Майков так и не отправил публикуемое ниже письмо. Возможно, он посчитал его слишком личным, а возможно, неинтересным для своих сыновей. Но через три месяца, в письме к ним же от 26 декабря, он вернулся к теме своего литературного воспитания, рассказывая об этом почти теми же словами: «Обращаясь к моему детству, — писал он, — я припоминаю — какие были книги стихов, которые я тогда читал? И ответ вот какой: одна книга — это тогдашняя хрестоматия, сост<авленная> Гречем в 1820 году, из Пушкина там только отрывок из „Руслана и Людмилы“ в отделе эпической поэзии, а главное место занимают Державин и Ломоносов. Другая — сочинения Батюшкова — это когда мне было 13,

14, 15 лет; Пушкина вкусил уже по 16-му году, а из него главное привлекали меня творения самой последней эпохи („Чертог сиял, гремели хоры“ и пр.), под влиянием коей я написал тогда, в 1-м курсе, „Венеру Медицейскую“, а рядом с нею „Гнев божий“ — Державинского духа, а за сим антологические по урокам Батюшкова».²⁸

Здесь обращает на себя внимание то, что Майков оценил Пушкина только после увлечения поэзией предыдущего времени. В отличие от своего ученика, Гончаров с самых ранних лет ставил Пушкина выше всех других писателей. Свидетельств тому в его сочинениях, письмах и мемуарах о нем можно найти множество. «...Я <...> жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича, — свидетельствовал писатель в письме к Е. А. и М. А. Языковым 15 (27) декабря 1853 г. — Он с детства был моим идолом, и — только один он»;²⁹ еще более подробно он высказывается в одной из автобиографий: «Живее и глубже всех поэтов поражен и увлечен был Гончаров поэзией Пушкина в самую свежую и блистательную пору силы и развития великого поэта и в поклонении своем остался верен ему навсегда, несмотря на позднейшее тесное знакомство с корифеями французской, немецкой и английской литературы».³⁰ Гончаров не был знаком с Пушкиным, но несколько раз видел его и оставил свидетельства об этих встречах,³¹ а кроме того, интересовался и его биографией: «...я <...> изучал Пушкина и все подробности и мелочи его жизни...», — писал он В. П. Авенариусу 28 февраля 1888 г.³²

* * *

В день похорон Гончарова одна из газет написала следующее: «...во всех <...> „рассказах“ и воспоминаниях (о Гончарове. — А. Б.), которые теперь преподносятся публике, более чем наполовину вранья. „Правду“ о Гончарове нам могли бы рассказать только очень немногие из его близких приятелей, и в том числе в особенности М. М. Стасюлевич, А. Н. Майков и кн. Цертелев».³³ В отличие от Стасюлевича и Цертелева, Майков не оставил нам воспоминаний о своем учителе и старшем друге, но публикуемое ниже письмо отчасти восполняет этот пробел.

¹ В этой папке оно проложено отдельным листом бумаги и кратко проаннотировано.

² Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Майкову от 30 апреля 1888 г. // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 500. Сводок данных об истории отношений писателей см. в предисловии и примечаниях С. В. Друговейко к публикации писем Гончарова к Майкову (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 336—372).

³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 106. Вл. Соловьев в статье о Майкове для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона еще при жизни поэта писал, что он «первоначальным своим развитием обязан <...> И. А. Гончарову, преподававшему ему русскую литературу» (цит. по: Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 549). Сведения эти идут, возможно, от самого Майкова, с которым Соловьев был знаком.

⁴ См.: Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1912—1891. Paris, 1914. P. 340.

⁵ Об этом он писал в автобиографии (см.: Бавеский В. С. Аполлон Николаевич Майков // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 453).

⁶ О «Подснежнике» подробнее см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 612—619 (прим. А. Г. Гродецкой и В. А. Туниманова).

⁷ Сведения о датах рождения сыновей Майкова заимствованы из его формулярного списка (Российский государственный исторический архив, ф. 779, оп. 1, ед. хр. 14, л. 233).

⁸ В 1891 г. В. А. Майков служил драгоманом (т. е. переводчиком) в русском посольстве в Константинополе (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц <...> на 1891 г. СПб., 1891. Ч. 1. Стб. 272), А. А. Майков жил вместе с братом. А. Н. Майков побывал в гостях у своих сыновей в 1887 г.; 16 сентября того же года он писал А. А. Краевскому из Константинополя: «Вы, может быть, удивитесь, прочтя в начале моего письма слово: Константинополь, и у Вас возникнет вопрос, как я сюда попал? А более или менее поневоле. Второй мой сын, Владимир, нынешний год отправлен сюда в драгоман<ы> (он — ориенталист) на службу; этим я воспользовался, чтобы отправить с ним и третьего, который страдал с 12 лет — теперь ему 19 — воспалением наконстной плевы, выдержал две операции, резекцию локтя <...>; к болезни руки присоединилось еще то же самое на ноге, и вот в надежде, что теплый климат ему поможет, мы отпустили его с братом. Но как климат Константинополя сам по себе не особенно хорош, то поместились они на берегу Мраморного моря против Принцевых островов, на остром мысу. Место отменно здоровое, морской воздух, в Константинополь частые пароходы, так что устроились хорошо» (Российская национальная библиотека, ф. 73, ед. хр. 1192, л. 1 об.—2).

⁹ См.: *Ямпольский И. Г.*: 1) Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине // *Временник Пушкинской комиссии*. 1975. Л., 1979. С. 43—44; 2) Из неизданных писем А. Н. Майкова о Достоевском // *Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1980. Т. 4. С. 280—281. Фрагменты из этих писем цитировались исследователем и в примечаниях к другим его публикациям.

¹⁰ В примечаниях к изд.: *Майков А. Н. Соч.*: В 2 т. М., 1984.

¹¹ Имеется в виду Екатерина Павловна Майкова (урожд. Калита; 1836—1920), с 1852 по 1866 г. жена младшего брата Майкова, Владимира Николаевича (1826—1885). В 1866 г. она порвала с мужем, бросив троих детей, ушла к разночинцу Ф. В. Любимову и уехала на Северный Кавказ. Сохранилось 10 писем Гончарова к Майковой за 1858—1869 гг. (опубл.: *Литературное наследство*. М., 2000. Т. 102. С. 378—406; публ. В. К. Лебедева и Л. Н. Морозенко); письма Майковой к Гончарову не сохранились. Подробнее см.: *Чемелен О. М.* Создание двух романов: Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова. М., 1966; Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов». «В семье Майковых» / Публ. П. Р. Заборова // *Русская литература*. 2000. № 3. С. 180—181.

¹² *Здесь*: в узком кругу (*лат.*)

¹³ РО ИРЛИ, № 17892а, л. 38—38 об.

¹⁴ Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов». С. 181; Валерьян Владимирович Майков скончался в 1899 г.

¹⁵ См.: *Чемелен О. М.* Создание двух романов. С. 122.

¹⁶ Имеется в виду стихотворение «На событие 17-го октября» (опubl.: *Русский вестник*. 1888. № 11. С. 1—2), посвященное спасению царской семьи при крушении императорского поезда недалеко от ст. Борки. Майков послал это стихотворение Константину Константиновичу 27 октября (см.: *К. Р.* Избранная переписка. СПб., 1999. С. 187—188).

¹⁷ В то время вел. кн. Константин Константинович был командиром роты лейб-гвардии Измайловского полка.

¹⁸ Речь идет о рукописи книги: *К. Р.* Новые стихотворения. 1886—1888. СПб., 1889. 17 ноября 1888 г. Майков писал сыновьям: «Сейчас в<еликий> к<нязь> прислал мне, при письме, собрание, для второго томика, своих стихотворений с письмом Гончарова, которому отдавал стихи прежде, и с пометками Фета, прося меня быть верховным третейским судьей над ним и их суждениями. Ужо вечером будем читать их вместе с Кутузовым <А. А. Голенищевым-Кутузовым>» (РО ИРЛИ, № 17892б, л. 57). 21 ноября Майков посетил Константина Константиновича, отдал ему рукопись и беседовал о его стихах (см.: там же, л. 60).

¹⁹ Упоминается следующий фрагмент из письма Гончарова к вел. кн. Константину Константиновичу от 12 октября 1888 г.: «Есть несколько и бессодержательных стихотворений (отмеченных мною черточкой в заглавии): как первые опыты — они очень милы, местами звучны, но при известной зрелости поэта позволительно пожелать большего веса в содержании и тщательной отделки в форме. Желательно, чтобы вместе с чувством или ощущением присутствовала душа, мысль» (цит. по: *К. Р.* Избранная переписка. С. 160—161). О своем несогласии с гончаровскими суждениями Константин Константинович писал Майкову 16 ноября 1888 г. (см.: *К. Р.* Избранная переписка. С. 188—189) и А. А. Фету 20 октября 1888 г. (там же. С. 302), а также отмечал в своем дневнике 15 октября (см.: *Загадка К. Р.*: Из днев-

ников Великого Князя К. К. Романова / Публ., вступит. статья и примеч. Э. А. Матониной // Москва. 1994. № 1. С. 172).

²⁰ Майков всегда высоко ценил поэтический вкус Тургенева: «...теперь издаю я <...> свои стихотворения, — писал он ему 8 февраля 1858 г., — ну кто бы помог выбор сделать! <...> А на кого положиться? У всякого свой конек, своя теория: подходит под нее — ладно, нет — так дрянь, и невольно чувствуешь протест в душе на эти приговоры, и чувствуешь, что положился бы только на Вас, да и Вас-то только и осмелился бы так деспотически завербовать и заставить заняться делом для Вас посторонним, делом другой личности...» (Письма А. Н. Майкова к Тургеневу / Публ. И. Г. Ямпольского // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 166).

²¹ Майков болезненно относился к недооценке значения своего творчества в среде литераторов; так, 19 июня 1880 г. он писал жене: «...годы, долгие годы, с Крымской войны, годы ругательств, оскорблений, умолчаний о моем существовании <...> Гонение многих этих годов не заставило меня петь под общую дудку, я не покорился и понимаю, что заслужил казнь и терплю ее. Уст своих не замарал бранью или каким бы то ни было ответом. И во всем этом совесть моя спокойна. Но во мне развилось чувство *отчуждения*. Когда нахожусь в обществе литераторов, инстинктивно чувствую, что нахожусь между врагами...» (Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 508).

²² РО ИРЛИ, № 178926, л. 44—44 об.

²³ Бибииков В. И. И. А. Гончаров // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 228.

²⁴ Сын отечества. 1891. 16 сент., № 248.

²⁵ Кроме сыновей Владимира и Аполлона, у Майкова был еще сын Николай (1853—?), в 1891 г. — инспектор Ремесленного училища Цесаревича Николая (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц <...> на 1891 г. Ч. 1. Стб. 515), а также дочь Вера, умершая в детском возрасте.

²⁶ РО ИРЛИ, № 17892г, л. 136 об.—136 <sic!>.

²⁷ Там же, л. 138 об. Имеется в виду сестра Константина Константиновича Ольга Константиновна, бывшая замужем за греческим королем Георгом I (Майков был лично с ней знаком); ее дочь Александра Георгиевна, жена вел. кн. Павла Александровича, скончалась 12 сентября 1891 г. после преждевременных родов.

²⁸ Цит. по: *Ямпольский И. Г.* Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине. С. 43.

²⁹ Цит. по: *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада» / Изд. подгот. Т. И. Орнатская. Л., 1986. С. 687 (Лит. памятники).

³⁰ *Гончаров И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 222.

³¹ См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 112—113.

³² И. А. Гончаров и И. С. Тургенев: По неизданным материалам Пушкинского Дома. Пб., 1923. С. 105; дата уточнена по автографу: РО ИРЛИ, № 10214.

³³ Встречи на лету // Петербургская газета. 1891. 19 сент., № 257.

А. Н. Майков — В. А. и А. А. Майковым

17 (29) или 18 (30) сентября 1891 г.

Сейчас мы с мамой¹ вернулись с панихиды по Гончарову, с его квартиры. Панихида в 8 ч<асов> в<ечера>.² Небольшие две низенькие комнаты были уже набиты публикой, преимущ<ественно> так называемой учащейся молодежью, обоего пола. Это меня поразило неприятно: ожидал встретить знакомых, общих с покойным, а тут — улица, мода. Я уверен, что большинство даже «Фрегата „Паллады“» в гимназии не читали. Всё так, для общего дела. Какое право она имеет врваться в дом к незнакомому человеку? Все близкие оттеснены, их не видать, да им и продвинуться в толпе некуда. Но мало-помалу я начинаю мириться с этой толпой: я очутился около кучки медицинских студентов — и, вижу, они крестят-

ся, некоторые подпевают, и крестятся при словах об упокоении души, о прощении прегрешения вольного же и невольного, о предстоянии перед Престолом Света Вечного и о Страшном Суде. Крестятся при этих словах, следов<ательно> у них есть общее со мной, не обезьяна, хотя и медики и курсистки — ну, слава Богу, мода модой, а все же и<?> образ на них Божий.

Невольного перешел к вопросу, чем я обязан Гончарову — и припомнил его уроки. Гораздо уже позже понял я то раздвоение, которое было в его понятиях о литературе, когда он нам преподавал. Это было ведь в 1834, 35, 36-м годах.³ Гончаров тогда [вышел] был питомец Пушкинской эпохи, но Пушкин еще не имел того значения в истории словесности нашей, как после смерти своей, и на кафедрах еще царили классики. Специальной обязанностью Гончарова было приготовить меня к университетскому вступительному экзамену, и потому он должен был познать меня не с текущей, пушкинской литературой и эстетикой, а с классической эпохой. Очевидно, он исполнял это как бы против себя, как бы насилуя себя, между тем на меня, я помню, те образцы, которые он читал, а мы учили наизусть, производили пленительное впечатление. У нас тогда была и хрестоматия (Греча),⁴ в которую чуть-чуть вошел Пушкин, кажется, только отрывки из «Руслана и Людмилы»,⁵ а всё были Державин, Ломоносов, Батюшков, [и их] Озеров, Мерзляков, Шаховской и пр. Первые трое мне нравились больше всего, величавостью образов, могуществом языка, шириною размаха. Узнайте-ко, чьи это стихи:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год и т. д.

Уж никак не догадаетесь, что Ломоносова.⁶ Из Державина вспоминаю:

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка, щит (Валка = Валкирия)
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.
Встают. Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зармят,
Седые чела в тьме блестят.⁷

Или:

С белыми Борей власами
И с седою бородой
Потряся небесами,
Облака сжимал рукою.⁸

Дальше не помню. Забирали ужасно и эти стихи:

О Росс! о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин царю послушный!
Когда и где ты достигнуть
Не мог тебя достойной славы! и пр.⁹

Я потому все это передумал теперь, что Гончаров тогда это проходил с нами по обязанности, что в Унив<ерсите>те это будут спрашивать, сам же давно отошел et pageait en plein romantisme,¹⁰ а я в сурьоз увлекался. Вот эта хрестоматия Греча, да том стихов Батюшкова — вот мой источник.¹¹ Пушкина оценил позже, уж в Университете, и прямо Пушкина [вто<рой>] последней эпохи, а не романтической. Знаете что: это старая хрестоматия, может быть и смешна теперь, но сравнительно с теми, которые были у вас в руках, сии последние кажутся ужасно жидки! Впрочем, и там в «легком роде» ужасно много вздору, à la Карамзин стихи, особенно любовные. Женщину, как идеал — поставил Пушкин, и поставил ее выше всех европ<ейских> поэтов, — «благоговевя богомольно Перед святыней красоты»;¹² но Пушкин тогда был «текущая литература», и об ней в учебных заведениях, как и теперь, говорить и спрашивать не полагалось. Поэтому и Гончаров с нами ее не касался.

Я так привык на даче жить в самом себе, впечатлениями, которыми и наполнял свои письма к вам, что и теперь еще нахожусь в том же расположении духа, и хоть это и не особенно для вас интересно, куда ни шло, пишу вам! У меня же всегда при всякой смерти, всегда хочется свести свои счета с покойником и по возможности помянуть его добром. Да и задаю невольно вопрос всегда: не виноват ли в чем перед ним?

¹ Майкова Анна Ивановна (урожд. Штеммер; 1830—1911) — жена Майкова; их венчанье состоялось 12 ноября 1852 г. в церкви Морского госпиталя.

² Панихиды на квартире Гончарова были отслужены 17 и 18 сентября (в каждый из дней — в 2 часа дня и 8 часов вечера); но на вечерней панихиде 17 сентября случилось скандальное происшествие, описанное одним из репортеров: «Вот картинка, характеризующая поклонников и поклонниц таланта, обыкновенно пристегивающих себя к ним в экстренных случаях. Вчера, вечером, у гроба почившего Гончарова, после панихиды, один из присутствовавших, убеленный сединами офицер, обратился к публике с словами: „Пред нами в гробу великий человек, девизом которого во всю его жизнь было добро. Чем же нам почтить память его, как не добрым делом. Теперь люди голодают... и если мы здесь у гроба Ив. Ал. внесем свою лепту в пользу голодающих, сделаем такое дело, которое доставило бы ему удовольствие, если бы он был жив среди нас“. При этом офицер вынул из бумажника 20 рублей. Вы думаете его примеру последовали? Как бы не так! Помилуйте, он пьян, разве можно это допускать, его нужно вывести, — раздались голоса. Однако, оказалось, что трезвого, заслуженного, увешанного боевыми отличиями полковника вывести было нельзя. На это никто не решился, но никто не решился предложить и копейки» (*Фотограф. Дневник // Сын отечества*. 1891. 18 сент., № 250). Поскольку об этом инциденте Майков в своем письме не упоминает, можно предположить, что он был на панихиде 18 сентября.

³ Неточность Майкова: знакомство Гончарова с ним состоялось в 1835 г.; в университете он поступил в 1837 г.

⁴ Имеется в виду «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (СПб., 1819—1822. Ч. 1—4; далее — *Греч*). Отношение Гончарова к Гречу было неизменно скептическим. Так, в письме к М. М. Стасюлевичу от 5 ноября 1869 г. он ставит его в ряд «фальшивых или бездарных литературных авторитетов» (*Гончаров И. А. Собр. соч.* Т. 8. С. 422); подобные же отзывы см. в его письме К. Д. Кавелину от 25 марта 1874 г. (там же. С. 465) и в главе «Через двадцать лет» из «Фрегата „Пал-

лада» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 723). Хрестоматию Греча Гончаров упоминает в мемуарном очерке «Слуги старого века. I. Валентин» (1888), действие которого относится к первым годам пребывания писателя в Петербурге.

⁵ В третьей части указанной выше книги (СПб., 1820. С. 308—318) был напечатан фрагмент из третьей песни «Руслана и Людмилы» (со ст. 30 и до конца), а в четвертой помещена краткая биографическая справка о Пушкине (см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827 / Под ред. В. Э. Вацура и С. А. Фомичева. СПб., 1996. С. 475).

⁶ Цитируются начальные строки «Оды на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года» (1748; Греч. Ч. 3. С. 66). Майков относился к Ломоносову с неизменным уважением; согласно семейному преданию, его дед по линии матери, купец, «был из поколения, возросшего под влиянием Ломоносова: его сочинения попались ему, они заставили молодого купчика учиться, поехать в германский университет, потом в Англию. Величество божие стал он понимать из оды Ломоносова <...>, высокое сознание себя русским, сыном страны своей — из его же од, любовь к наукам — из его же стихов...» (из письма О. Ф. Миллеру от 3 ноября 1871 г. — Майков А. Н. Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 179). Ниже в том же письме он пишет про Ломоносова, что он «первый, словом увлекший к идеалу современников, пробудивший в них чувства добрые, высокие, выведший их из тьмы бессознания» (там же. С. 180). В 1865 г. Майков был одним из организаторов широко отмечавшегося Ломоносовского юбилея, прочел на нем свое стихотворение «Ломоносов» и затем опубликовал статью «Несколько слов по поводу столетней памяти Ломоносова». И роль поэта в организации юбилея, и его стихотворение были оценены современниками неоднозначно (см. прим. Л. С. Гейро в кн.: Майков А. Н. Соч. Т. 1. С. 556). Гончаров также высоко ценил Ломоносова: «...он <...> начинатель великого дела просвещения в России, <...> гений-самородок, открывший собственными силами русскому духу и уму доступ в область знания и мысли и т. д.» (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 138).

⁷ Начальные строки оды Г. Р. Державина «На победы над французами в Италии, одержанные фельдмаршалом гр. Суворовым-Рымникским, 1799 года» (1799; см.: Греч. Ч. 3. С. 120). В молодости Гончаров высоко ценил поэзию Державина; по собственному признанию, сочинения его «он и переписывал и учил наизусть» (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 221). В письмах же он высказывался о поэте сдержаннее. «Державина — никто теперь не читает, а в школах приводят стихи для примера, но никто не наслаждается», — писал Гончаров Е. А. и С. А. Никитенко 24 июня (6 июля) 1860 г. (Литературный архив. Л., 1951. Т. 4. С. 131). Через год он в письме к неустановленному лицу от 11 ноября 1861 г. утверждал, что «Державин был поэт с огромным талантом, но новых и сильных элементов в литературу не внес и <...> жизни <...> в ней не возбудил...» (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 356—357). Прочитыванное четверостишие с его ритмическим разбором записано на полях ученической тетради Майкова (РО ИРЛИ, № 17307, л. 21 об.).

⁸ Начальные строки «Стихов на рождение в Севере порфирородного отрока...» (1779; см.: Греч. Ч. 3. С. 130). Эти строки Державина Гончаров перифразировал в письме к А. В. Никитенко от 5 (17) июня 1869 г. («Дует такой ветер, что... если это бореи, с белыми власами, то он выходит подлец, несмотря на свои седьны». — Русская старина. 1914. № 4. С. 53) и цитировал в письме к А. Ф. Коню от 5 апреля 1887 г. (см.: Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 503).

⁹ Начальные строки второй строфы «Песни лирической россу по взятии Измаила» (1791; см.: Греч. Ч. 3. С. 98).

¹⁰ и купался в романтизме (франц.).

¹¹ Ранее в письме к брату поэта П. Н. Батюшкову Майков писал: «Сочинения Константина Николаевича Батюшкова для меня особенно дороги: я помню, что в юношестве моем, когда я начал писать стихи, его произведения <...> имели главное и решающее влияние на образование моего слуха и стиха. Пушкинское влияние уже легло на эту почву» (Русская старина. 1887. № 11. С. 561).

¹² Заключительные строки пушкинского стихотворения «Красавица» (1832; опубл. 1834). В письме вел. кн. Константины Константиновны от 10 ноября 1889 г. Майков привел эти стихи как образец «красоты русского стиха» (см.: К. Р. Избранная переписка. С. 195). Характерно, что другую строку из этого же стихотворения («...выше мира и страстей...») цитирует и Гончаров, характеризует в «Обрыве» (ч. I, гл. IV) холодную светскую красавицу.